

Обоснование выдвижения кандидатуры Ирины Вакуленко на литературную премию имени Леонида Завальнюка в номинации «Творческая зрелость»

Ирина Вакуленко, коренная амурчанка, хотя и родилась в Якутии, но с четырёх месяцев живёт в Благовещенске, работает парикмахером, 37 лет. Стихи пишет, не пытаясь их опубликовать или как-то продвинуть. Размещает их в сети. Тем не менее, была замечена редакторами сетевых журналов, которые пригласили её опубликоваться в своих изданиях – «Хомо легенс» (у этого электронного журнала есть и печатный формат) и «Флюгер». Подборки её стихов были напечатаны в альманахе «Амур» в 2006 и 2016 гг.

Стихи Ирины Вакуленко отличает хорошо выраженная индивидуальность, мастерское владение словом, её рифмы точны и не избиты, образы легко узнаваемы и оригинальны. Внешне лишённые признаков чужого влияния, её стихи имеют глубокий культурный подтекст.

Допивай-разбивай-уходи. Колыхаться рваниной
Со стекляшкой в груди, в водах гнева над серой равниной,
Бесполезно и стыдно: щебёнка не выкормит сада.
Для себя хорошо и для всех, и давно было надо.
Уронили, и треснуло. Склеили. Не доглядели.
Не отсвечивать бы из угла, только мало да мало -
В каждой дырке затычка. То ливни, то яблоки спели.
Шифровалось успешно, азартно. Росло что попало.
Вот и выросло, баста. Уже не прикинуться шлангом.
Там, где ходишь, надеждам каюк - только слёзы и одурь.
Наступи же на чёртов стакан с равнодушием танка -
Очень кстати сейчас на тебе подходящая обувь.

Небольшое стихотворение отсылает к текстам, как минимум, трёх авторов: Иосиф Бродский: «Там хмурые леса стоят в своей рванине. Уйдя из точки "А", там поезд на равнине...», к «Горной колыбельной» Ольги Седаковой, а эпиграфом взяты строки Бориса Гребенщикова: «Наступи на стакан, если он выпит».

В стихах Ирины нет пустот и общих мест, словарный запас современной горожанки выходит за рамки академических словарей, допуская просторечье, но не допуская небрежности и пошлости – а ведь и то, и другое иногда подаётся как признак некой литературной смелости, а порой считается нормой. В стихах Ирины часто встречается сплав реальной жизни и литературной материи, например, в стихах «Про Настю» сначала читается история современницы с несчастной судьбой, но в последней строчке возникающая реминисценция к роману Достоевского придаёт остроту и подлинный трагизм:

Тут пропущенное вряд ли наверстать
были две полу-попытки вот и всё
ходит к Насте косяками скотота
малой ложки мимо рта не пронесёт
хватит чёртовы трагедии душисть
книксен-шмиксен и с овцы паршивой клок
чем кобениться пора как люди жить
благодарность кстати тоже не порок
образумься наливай гостям чайку
дипломатия по-взрослому не мёд
вырвет Настя из беды своей чеку
и в огонь чужие денежки швырнёт.

Как у любого состоявшегося лирика основные темы её лежат в сфере личных переживаний. Например, в стихах о несчастливой любви, самой распространённой и эксплуатируемой лирической теме, Ирина в короткое стихотворение поместила и «историю вопроса», и эмоциональный посыл, и собственный темперамент – «даже речь с огнём и тайнами, даже речь!»:

Да не мельтеши, не лезь, говорю, не трожь,
Ну-ка, сядь – и руки перед собой на стол.
Посмеёмся вместе, что на проверку – ложь:
Побережье, тропы горные, рок-н-ролл –
Нестерпимые хлам и плесень. Кому втащить?
Даже речь с огнём и тайнами, даже речь -
А зачем она, когда телефон молчит?
Запахать бы в бочку всё это и поджечь.

А вот стихотворенье о любви счастливой, – и Мухаммед с его горой придаёт такому частному тексту масштаб совершенно эпический:

Только луч последний в снегах погас,
И они вздохнули, белее мела,
Как неуловимо, легко для глаз
Широко открытых, гора взлетела.
Словно бы Мухаммед через провал
Пепельновоздушный, с иного склона
Увидал её и к себе позвал,
Выводя тем самым из-под закона,
И в несметной фуксиевой тиши
Распахнулось место на шаг от края.
Мимо чуда грязный состав спешит.
О тебе подумаю - и взлетаю.

В этих стихах очевидна смелость автора, не любящего проторенных дорог, поэтому тишь у неё фуксиевая, а провал - пепельновоздушный. В коротких стихах – мощь молодого яркого чувства: хочет, - горы свернёт, захочет, - к себе горы притянет.

Или такая «зарисовка в летних сумерках», в которой мистическое настроение без противоречий согласуется с бытовыми деталями и метафорами, достойными пера Ольги Славниковой. В этих стихах дышит июльский вечер Благовещенска, на столько живописно и убедительно подобраны метафоры:

Раз пирожок с повидлом открыл по-карасьи рот,
Можно к лицу поднести его, яблочный нюхать зной.
Вечер. Пустынное Тихо скоро ко мне придёт,
Спрячет в колени морду, обросшую лебедой.
Тихо моё косматое, лапы седые от пыли,
Здравствуй. Нечего делать, нечего мне сказать.
Опустели дворы до утра, наконец, остыли,
Вьюнок у стены таращит сиреневые глаза.
Ничей прохладный один сорву, и ему не больно.
Сумерки вышли из берегов поля футбольного.

Про Ирину Вакуленко в комментариях к её стихам сказано: «у неё и замысел с замахом на вселенную, и воплощение оно – на высоте... Она умеет сохранять и преумножать радость. И если самые тонкие, самые высокие стихи, как правило, исполнены тоски или, как минимум, светлой грусти, то у Ирины даже пастельные стихи «смотрят на раду»».

Ирина Вакуленко достойна премии им. Л.А. Завальнюка в первую очередь потому, что никогда не пишет о среднестатистическом условно поэтическом мире - с ночными садами, соловьями на рассвете, грозой в начале мая и февральскими метелями, то есть о том, что часто встречаются в стихах авторов, которые изображают не то, что видят, и чем живут, а то, чего от них якобы ожидают. В поэзии Ирины – Благовещенск, амурская земля и то время, в котором она живёт, хотя она нечасто произносит это вслух, но в деталях всегда потрясающе убедительна: можно легко представить, какое это время года, какое время суток, какая стояла погода и даже какой район города родил поэтический образ: «Остановки приземистый короб./ А внутри полскамейки, лузга и

пускающий дым/ Человек в отутюженной форме./Но понятно, что года четыре как снятый маршрут./Роспуск части - не важно, бывает...»... «Крыша моя, улетай. Лампов сентябрьский вечер./Где-то пожарили печень - запах прихватишь в Китай.» Благовещенск в стихах Ирины – не парадный, но подлинный. Отсутствие пафоса и нарочитой патетики создаёт не лаковую открытку родного города, а живописное полотно, где, с одной стороны, во всей полноте и разнообразии фиксируются время и место, с другой, индивидуальный стиль и несомненный талант автора преобразует реализм в магический реализм, сохранив неприкосновенно ауру амурской столицы.

*Светлана Казачинская,
член жюри премии им. Л.А.Завальнюка*